

Весной сорок пятого...

Синие переславльские леса стояли по колено в талом снегу. Белели придорожные берёзы в чёрных наростах грачиных гнёзд. Позади осталось Плещеево озеро, ещё покрытое льдами. Машина затормозила у бревенчатой избы, и мы увидели пологий берег, узкую светлую речку с деревянным мостиком и... мосфильмовские автобусы, лихтвагены — верные знаки близкого «кочевья» кинематографистов.

Экспедиция фильма «Ливень» обосновалась в местах, где тридцать лет назад жили герои картины. Именно здесь, в лесных сёлах Купани, Троицком, Горках, ждали они в сорок пятом как немыслимого счастья Дня Победы, уверяя друг друга: «Ныне не весной пахнет, а мирной жизнью».

Работали, выбиваясь из сил, вдовы бабы, девки, не дождавшиеся женихов с войны, подростки, вернувшиеся из госпиталей покалеченные солдаты — мужики. Пилили лес, собирали для химзавода живицу, мечтая о времени, когда смола эта пойдёт не на взрывчатку, а на канифоль для скрипок.

Много судеб сломала война. «Ливень» — про тех, кто выстоял.

Переславль-Залесские земли, исконно русские края, определили образ фильма, его ритмический и интонационный строй. Подлинность мест, событий, характеров — творческое кредо создателей фильма (авторы сценария Э. Тропинин, А. Галиев, режиссёр Б. Яшин, оператор В. Листопадов).

Кинематографисты жадно набросились на весеннюю природу. Звукооператоры отправились на «свободную охоту» за весенними шумами, записывать стук капли, треск ломающегося льда. Операторы снимали пейзажи всех фаз весны — нестаявший снег, первые травы и цветы, всё многообразие фактур и оттенков леса — ярко-охристую кору сосны, нежную зелень осины.

В первые съёмочные дни снимали массовку. Женщины из окрестных сёл, одетые по просьбе режиссёра в залатанные стёганки, словно вышли оттуда, из весны сорок пятого года. Легко, привычно вскинули на плечи пилы, уселись на платформы «кукушки» — маленького паровозика, который группа раздобыла где-то под Шатурой, и запели. Без репетиций, складно, многогласно.

Массовка на натуре не похожа на павильонную. Актёрам трудно слиться с живой толпой, стать неотличимыми от неё. Но и Л. Зайцева, и Ю. Назаров, и Н. Ерёмченко, и Г. Стриженов, и М. Скворцова, снимающиеся в фильме, стремятся преодолеть этот барьер и, кажется, успешно.

...Подворье лесника — сторожка, плетень, стог сена. По шатким мосткам спустилась к реке тоненькая девушка в дырявых солдатских ботинках. Зачерпнула ведро воды и обернулась.

На противоположном берегу среди валежника сидел её невольный обидчик — машинист Колька и ждал. Оттуда же, из-за кустов, напряжённо следил за происходящим объектив киноаппарата. Камера видела девушку глазами влюблённого, раскаявшегося парня — её лицо, строгое, отвыкшее от улыбки, узкий, гибкий стан. Светлана Дирина — девятнадцатилетняя студентка ВГИКа, мастерской С. А. Герасимова, получила роль Саши — сложную, но благодарную.

— У моей героини драматическая судьба, — рассказывает актриса. — На глазах её фашисты расстреляли всю семью. Мне предстоит передать самые разные состояния её души: потерянность, замкнутость, удручённость и возвращение к жизни — нежданную, трудную любовь к нему леснику Серафиму. В его сторожке на побелённой печке Саша стыдливо выведет угольком слова признания.

...Из деревянной баньки, служащей группе костюмерной, вышел Николай Олялин — в выцветшей гимнастёрке, синеглазый, заросший светлой бородой. Сидя на перевёрнутой лодке, рассказывал о новой работе:

— К роли отношусь со страхом. Мой герой, контуженный в сорок первом, потерял голос, онемел. Всё слышит, понимает, но не говорит. Трудно действовать на экране, «не прикрываясь» словом. Действие надо выстроить так, чтобы люди без слов поняли всё. Серафим — натура богатая. Недаром к нему привязались осиротевшие дети, отогрелась возле него девушка Саша. Война объединила всех. Все стали родными и близкими...

Третий участник эпизода — мальчик в старой ушанке с узелком в руках сидел на корме лодки. Роль Егорки поручили тринадцатилетнему переславльцу Саше Журавлёву.

— Сказали в школе — нужно для кино рыжеватенького, конопатенького паренька. И шустренького. Меня и нашли, — даёт первое в своей жизни интервью Саша. О своём герое он рассказывает взахлёб, как любимую сказку, легко отождествляя себя с Егоркой:

— И будет у меня две сестры, и не будет у меня ни отца, ни матери. Все трое привыкнем мы к леснику Серафиму. Будем ходить на охоту и ловить рыбу. И стану я за хозяина в доме...

— Нравится сниматься в кино?

— Больно трудно, — протянул он, заметно нажимая на «о», — сто раз одно и то же снимают, — пояснил он, недовольный, как видно, съёмкой дублей.